

Цин Янь признал, что ревнует. Правда, вовсе не из-за подозрений. Он и Цю Хэнянь прожили бок о бок уже больше полугода, и он прекрасно знал, что за человек перед ним.

Но это никак не мешало его раздражению, когда он увидел, как Цю Хэнянь несет ту корзину.

Цин Янь не стал вести себя, как обычно, когда, несмотря на все возражения Цю Хэняня о том, что он грязный, подходил поближе, чтобы хотя бы украдкой поцеловать его. Он сел на низкую табуретку, большим пальцем потер подбородок и, склонив голову набок, сделав вид, будто пристально изучает ситуацию, мягко спросил:

— Скажи-ка, мой дорогой муж, откуда это у нас взялось?

На Цю Хэняне действительно была пыль. Он собирался первым делом помыться, переодеться и помочь с готовкой. Но его внимательный взгляд сразу уловил что-то неладное в поведении супруга. Он остановился на пороге, окинул взглядом лицо Цин Яня, но так ничего и не понял.

Он сунул корзину ему в руки и сказал:

— Это дала мать Сяо Чжуана. Я даже не посмотрел, что внутри. Ты глянь первым.

Сказав это, он все же не ушел в комнату, чтобы умыться, а замер на месте, опустив взгляд на Цин Яня, и мысленно начал отсчитывать: «Раз, два, три».

Но привычные для возвращения домой объятия и поцелуи так и не последовали. Внимание Цин Яня было приковано вовсе не к нему. Его взгляд, полный неясных эмоций, был устремлен на ту самую корзину, что стояла на полу.

Цю Хэнянь невольно потер пальцы друг о друга. Наконец, он не смог сдержать свое желание, наклонился и попытался украдкой поцеловать сидящего супруга.

Но Цин Янь тут же очнулся, резко отвернул голову и, едва ли не мгновенно, сорвал шелковую ткань с корзины. Он глянул внутрь, и лицо его сразу изменилось. Брови взметнулись, а в уголках губ появилась холодная улыбка:

— Ха, мать Сяо Чжуана не просто корзину с мандаринами тебе прислала. Она еще и положила туда узел со «связанными сердцами», а?

Выражение лица Цю Хэняня выдало его полное удивление. Было очевидно, что он не знал о содержимом корзины.

Цин Янь встал, легко коснулся пальцем лба мужа и сказал:

— Эх ты, уже запал кому-то в душу, а сам даже не заметил!

...

В эти дни в кузнице стало не так много работы. Ближе к полудню за Цю Хэнянем пришел Ван Саньяо с просьбой о помощи. Оказалось, что у отца его хорошего друга по работе намечался юбилей. Ван Саньяо долго ломал голову над подарком, но ничего не придумал. Тогда У Цюнянь осенило, и она подсказала, что можно попросить второго брата написать крупными иероглифами знак «Долголетие».

Когда иероглиф будет готов, его отправят в город для оформления в раму, а на праздник преподнесут имениннику, чтобы он повесил его на стену у себя дома. Такой подарок выглядел бы крайне почетно.

Ван Саньяо редко о чем-то просил его, а в кузнице сейчас было не так много работы, так что Цю Хэнянь, разумеется, согласился. Все необходимые принадлежности — бумагу, кисти и чернила — Ван Саньяо уже подготовил, так что Цю Хэняню оставалось только пойти к нему домой и написать иероглиф.

Перед уходом он поручил Сяо Чжуану погасить огонь в печи. Тот кивнул и заверил, что все сделает.

Проводив учителя и его родственника до ворот, Сяо Чжуан занялся печью. К этому моменту уголь уже почти догорел, лишь в центре тлел небольшой раскаленный уголек. Взяв кочергу, он немного подковырнул угли, и тут же раздался громкий «пф», и в лицо ему вылетело целое облако черной копоти.

Сяо Чжуан отшатнулся назад, стал стряхивать с себя пыль, но даже не заметил, что лицо его теперь вымазано в саже до черного блеска.

В этот момент от двери донесся сладковатый, слегка жеманный голос:

— Старший брат, ты занят?

Сяо Чжуан обернулся и увидел у порога молодого гера лет восемнадцати-девятнадцати. Тот настороженно заглядывал внутрь, а на согнутой руке держал корзинку. Парень был довольно милостивым, с изящной фигурой и застенчивой улыбкой на лице, которая придавала ему еще больше обаяния.

Сяо Чжуан машинально потер затылок.

— Ты... ты назвал меня старшим братом? — спросил он с легким недоумением. Ему ведь только-только исполнилось шестнадцать!

Гер смущенно кивнул.

Сяо Чжуан дернул уголком рта.

— Это как-то не очень уместно, не находишь?

Гер сразу же нахмурился, а его глаза начали наполняться слезами.

— Старший брат, ты что, пренебрегаешь Сян-эром? — промолвил он с дрожью в голосе. — Мне понадобилось столько смелости, чтобы обратиться к тебе так...

Сяо Чжуан, пораженный тем, какую бурю вызвало простое обращение, поспешно ответил:

— Ну как скажешь! Зови, как хочешь, только не плачь!

На лице гера появилось выражение нерешительности. Он поднял взгляд на Сяо Чжуана, но тут же опустил его снова. Едва слышным голосом он произнес:

— Я не знаю, стоит ли говорить это... Но только что на улице я встретил старшего брата Цин Яня.

— А, понятно, — кивнул Сяо Чжуан, совершенно не понимая, зачем он так загадочно говорит о встрече с шиму.

Парень, заметив, что Сяо Чжуан не проявил интереса, прикусил губу и, наконец, добавил:

— Брат Цин Янь такой счастливый! Его муж трудится в лавке каждый день, а он может спокойно ходить по городу, есть, пить и развлекаться. Если бы это был мой супруг, я бы так с ним не поступал.

Слова эти заставили Сяо Чжуана замереть, и он ощутил, как мурашки побежали по коже. Говорить за спиной у учителя и его супруга было делом крайне опасным. Если Цю Хэнянь об этом узнает, он наверняка без раздумий выгонит этого болтливую парня.

Однако Сяо Чжуан не умел быть резким и только нахмурился, произнеся:

— Ты так говорить не должен.

Гер прикусил губу еще сильнее, а заметив недовольный тон Сяо Чжуана, вдруг начал всхлипывать и вскоре расплакался. Сяо Чжуан стоял в оцепенении, не зная, как реагировать на разыгравшуюся драму. Он нервно чесал голову, вытягивал шею и тревожно поглядывал на

улицу.

— Эй, уважаемый, — наконец выпалил он, — Ну не надо так сразу плакать в кузнице! Если кто увидит, подумают, что я вас обидел!

— Как ты меня назвал?! — разрыдался еще сильнее тот самый парень, и, сунув корзину Сяо Чжуану, с дрожью в голосе сказал:

— Сян-эр пришел сюда, потому что ты мне нравишься! Я даже подарок приготовил! Как ты можешь так со мной поступать?

— Что? — ошарашенно пробормотал Сяо Чжуан, держа корзину в руках. Его рот открылся настолько широко, что в него могло бы поместиться яйцо, а на вымазанном в саже лице сверкали белоснежные зубы.

Парень, увидев эту растерянную физиономию, топнул ногой, мигом прекратил слезы и, застенчиво улыбнувшись, сказал:

— Старший брат, через пару дней я снова зайду.

Затем он резко повернулся и, прихватив с собой остатки своей скромной гордости, убежал из лавки.

Сяо Чжуан остался один, уставившись на корзину в руках, а в голове шумело, словно в улье. Он чувствовал, как горят его щеки.

— Он... сказал, что я ему нравлюсь?

Этот странный гер явно был не в своем уме, подумал Сяо Чжуан. Но, с другой стороны, он никогда не был объектом такого рода внимания, и в глубине души ощущал странное, даже приятное смущение.

Его мысли скакали туда-сюда, пока он погружался в противоречивые чувства.

Когда Цю Хэнянь вернулся в кузницу, он увидел следующее: огонь в печи все еще еле тлел, так и не потушенный, а его ученик, перемазанный сажей с головы до ног, стоял посреди помещения с корзиной в одной руке и кочергой в другой. На его лице попеременно появлялись то глупая улыбка, то хмурый взгляд.

— Сяо Чжуан! — громко прикрикнул Цю Хэнянь. — Я велел тебе потушить огонь! Ты что, совсем обленился?

Сяо Чжуан вздрогнул, как от удара, и, заметив, как учитель потянулся за метлой, моментально сообразил, что это к наказанию.

Его охватило отчаяние, но тут он быстро сообразил и сунул корзину в руки Цю Хэняня.

— Только что моя мама заходила, — затараторил он. — Попросила передать это вам. Мы немного поговорили, я не специально ослушался вас, учитель.

Семья Сяо Чжуана частенько приносила что-нибудь в кузницу, опасаясь, что его глупость вызовет у учителя недовольство. Семья была небогатой, и обычно это были домашние пирожки или соленья, реже — что-то ценное вроде яиц.

Цю Хэнянь обычно не принимал подарки, но, после нескольких отказов, иногда соглашался, чтобы не обидеть родителей Сяо Чжуана.

Поверив объяснению ученика, Цю Хэнянь забрал корзину. А вечером, возвращаясь домой, прихватил ее с собой.

□□.....

С другой стороны, Лю Сян, выйдя из кузницы, направился прямо домой.

По дороге он размышлял о том, как его отец и мать рассказывали, что Цю Хэнянь, мол, человек угрюмый, с суровой внешностью и не особо дружелюбный. Но ведь то, что он видел сегодня, опровергало их слова: это был просто большой глупый увалень, который, завидев его, тут же растерялся. Если он еще пару раз заглянет в кузницу, то наверняка добьется своего.

Лю Сян изначально не хотел становиться вторым супругом, но его мать настояла: в деревне подходящих женихов практически не осталось, а Цю Хэнянь хоть и не подарок, но умеет зарабатывать. К тому же в его доме нет свекрови и свекра, о которых нужно заботиться, а этот Цин Янь хоть и красив, но, как говорят, не может родить детей.

Если он все же выйдет за Цю Хэняня и родит ему пару детей, то еще неизвестно, кто в будущем будет заправлять в доме.

Лю Сян, переполненный самодовольством, добрался домой и поспешил поделиться с родителями этой радостной новостью.

На другом конце деревни, у западной окраины, Цин Янь рассказал Цю Хэняню, откуда взялась корзина. Тот нахмурился и сказал:

— Завтра, как пойду в кузницу, спрошу у Сяо Чжуана, что это было.

Хотя все указывало на досадное недоразумение, Цин Янь не хотел впутываться в истории с этой семьей. Если поступить неосторожно, это может стать причиной неприятных слухов. Деревня была маленькая, и сплетни разлетались быстро. Старухи и старики любили собираться на перекрестках и перемывать косточки каждому, кого знали. Если слухи дойдут до семьи Лю, а те устроят скандал, утверждая, что у Лю Сяна испорчена репутация, и потребуют от них ответственности, им придется сложно.

Поэтому Цин Янь сказал:

— Завтра я пойду с тобой, сам все выясню.

Цю Хэнянь согласился.

...

Вечером, после ужина, они прибрались, и Цю Хэнянь принес дрова, а Цин Янь налил воды в котел — готовились нагреть воду для купания.

Цин Янь вымылся первым. Он поискал нужную рубашку в шкафу, нашел ее, надел и вернулся к кровати, где, как обычно, опустил занавеску, ожидая, пока Цю Хэнянь закончит.

Через некоторое время звуки воды стихли, сменившись шумом вытирания и надевания одежды.

Когда Цю Хэнянь приподнял занавес, Цин Янь уже лежал, закутавшись в одеяло почти до самого подбородка. Его длинные волосы рассыпались по подушке и щекам.

Цю Хэнянь собрался было задуть лампу, но Цин Янь мягко остановил его:

— Подожди немного.

Цю Хэнянь бросил на него быстрый взгляд. Цин Янь смотрел в сторону, избегая встречи глазами. Когда Цю Хэнянь улегся рядом, Цин Янь медленно и непринужденно спросил:

— Сколько времени прошло?

Цю Хэнянь не уточнял, о чем идет речь, и ответил:

— Два месяца.

Ресницы Цинь Яня дрогнули.

— Ты так точно считаешь?

Цю Хэнянь сглотнул.

— Считаю каждый день.

Щеки Цинь Яня вспыхнули румянцем, и он спросил:

— Почему ты считаешь каждый день?

Голос Цю Хэняня стал хриплым:

— Я же давно говорил тебе... я не обманывал. Каждую ночь думаю о тебе.

В одно мгновение Цинь Янь сорвал с себя одеяло и сел, открывая тело, прикрытое лишь легкой шелковой рубашкой. Его обнаженное плечо и длинные, стройные ноги, слегка согнутые и сложенные вместе, выглядели как произведение искусства. Кожа, освещенная мягким, теплым светом масляной лампы, казалась бархатистой и теплой. Полупрозрачная ткань рубашки лишь подчеркивала, а не скрывала, создавая образ, который заставлял фантазию разыграться еще больше.

Цю Хэнянь резко сел, его взгляд стал острым, как у ястреба, и устремился прямо на Цинь Яня. Грудь тяжело вздымалась, дыхание становилось все более учащенным.

Цинь Янь протянул к нему руку. Цю Хэнянь схватил ее и одним сильным движением притянул его к себе, усадив к себе на колени. Теперь они сидели близко, лицом к лицу, дыхание одного касалось лица другого, их разделяли считанные сантиметры.

— Больше не боишься? — хриплым голосом спросил Цю Хэнянь.

Цинь Янь покачал головой. Его чуть приоткрытые губы дрожали, а в глазах читалось смущение:

— Я... не знаю.

Цю Хэнянь не сводил с него глаз, изучая каждый мельчайший нюанс выражения его лица.

Спустя минуту он тихо вздохнул, улыбнулся и, аккуратно убрав волосы с лица Цинь Яня, сказал:

— Хочешь немного поговорить?

— Угу, — мягко ответил Цин Янь, кивая.

Они легли бок о бок, лицом друг к другу. Цю Хэнянь обнял Цин Яня, притянув его к себе.

В прохладный осенний вечер, в теплой постели, когда их тела соприкасались, это объятие казалось самым уютным и приятным моментом, который только можно представить.

Цю Хэнянь, держа в пальцах уголок шелковой рубашки Цин Яня, пытался сдерживать нахлынувшие мысли и спокойно спросил:

— Когда ты это купил?

— Пару дней назад, — ответил Цин Янь. — Думал весной накидывать под халат.

Цю Хэнянь задумчиво кивнул и спросил:

— Осень на севере короткая, скоро зима. Ты все зимние вещи уже купил?

Цин Янь кивнул:

— Все купил, и для тебя, и для себя. Недавно вместе с Цюнянь ходили выбирать. Хорошая лавка — и материал качественный, и цены приемлемые.

Они продолжили неспешно беседовать о домашних мелочах. Обсуждали, сколько яиц снесли сегодня куры, стоит ли разложить крысиный яд в новом амбаре, размышляли, не завести ли кошку, чтобы она ловила мышей. Потом разговор переключился на семью охотника Лю и его собаку Эрси, а оттуда плавно перешел к планам на зимнюю охоту в горах.

Беседа текла легко, пока Цин Янь не прижался к груди Цю Хэняня. Его мягкая, будто сочная, кожа коснулась лица мужа, и он слегка невнятно пробормотал:

— Я ревную.

Цю Хэнянь и раньше подозревал это, но услышать признание от самого Цин Яня наполнило его сердце тихой радостью. Он ощутил и нежность, и внутреннее удовлетворение.

Теплая ладонь Цю Хэняня ласково поглаживала спину Цин Яня, ощущая прохладную шелковую ткань рубашки, которая будто еще сильнее пробуждала чувства.

— Цин Янь... — тихо позвал он, укладывая супруга на кровать и склоняясь над ним. Его взгляд светился, голос был мягким, а лицо почти касалось лица Цин Яня.

— Цин Янь... — повторил он.

И в этом имени было сказано все. Остальное прочитывалось в его глазах и в следующем за этим поцелуе.

Они целовались, чувствуя тепло и близость друг друга, пока Цю Хэнянь не вернулся на свою сторону кровати, обняв Цин Яня за плечи. Его ладонь продолжала неспешно скользить по спине гера.

— Ты устал? — тихо спросил он.

Цин Янь кивнул, глаза его начали слипаться.

— Закрывай глаза и засыпай, — мягко сказал Цю Хэнянь.

Цин Янь закрыл глаза, погрузившись в теплый покой объятий.

Но спустя некоторое время он снова открыл их.

— Шелковая рубашка чешется, — тихо пожаловался он.

Цю Хэнянь с легким вздохом просунул руку под одеяло, несколько раз дернул, и рубашка оказалась снятой и отброшенной к краю кровати.

Цин Янь удобно устроился и, наконец, начал засыпать. Но прошло совсем немного времени, и он опять открыл глаза.

Цю Хэнянь, опустив взгляд, спросил:

— Что еще?

— Ткань твоей нижней одежды слишком грубая, — пробормотал Цин Янь, слегка смущенно отводя взгляд.

На лбу Цю Хэняня выступила жилка, но он сдержался. После короткого шороха под одеялом и эта одежда была отброшена на край кровати.

Свет лампы погас.

Наступила глубокая тишина. Лишь вдалеке доносился лай собак.

Через некоторое время, когда казалось, что все затихло, под навесом кровати раздался едва слышный звук.

Цю Хэнянь протянул руку, нащупав что-то влажное. Его голос стал еще более хриплым:

— Цин Янь, ты не спишь?

Тишина повисла над ними, пока он не начал думать, что ответа не будет. Но спустя мгновение в темноте прозвучало короткое, едва слышное:

— Нет.

Молчание вновь воцарилось, но ненадолго. Одеяло было резко откинута в сторону, и Цю Хэнянь поднялся, на ощупь пытаясь найти что-то у изголовья кровати.

Тонкая рука Цин Яня протянулась вперед, мягко и грациозно передавая ему нужный предмет. Цю Хэнянь, нацепив шипастый браслет, уверенно положил руки на лодыжки своего супруга.

Не теряя времени на лишние действия, он подался вперед, и их тела слились. Для Цин Яня, который так долго ждал этого момента, все происходило естественно и с радостью, словно восполняя два месяца ожидания.

<http://bllate.org/book/13590/1205215>